

В. П. БОГДАНОВ

ОБРАЗЫ ВОЕННЫХ В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ЭВОЛЮЦИЯ, ЧИНЫ, РОДА ВОЙСК)

В статье рассматриваются художественные произведения как исторические источники. На примере образов военных, нашедших отражение в русской литературе, автор прослеживает взаимоотношения между родами войск, их различия, отношение к ним со стороны остальной части российского социума.

Ключевые слова: *армия, военные, государство, источниковедение, литература, солдаты, офицеры, служба, Российская империя, художественные произведения.*

*Матушка Россия, тем хороша,
что все-таки в каком-нибудь углу ее да дерутся¹*

Российская империя, с момента своего основания ведшая постоянные войны (что образно выражено в высказывании Я.П. Кульнева, вынесенном в качестве эпиграфа статьи), постоянно нуждалась в большом и сильном сословии военных. Армия традиционно является второй (после бюрократического аппарата) опорой государственной машины. Относительно недавно вышла книга Н.Н. Ауровой², в которой показаны не только этапы развития российской армии, но и то место, которое военные занимали в обществе. Отдельный раздел книги посвящен разбору произведений русской классической литературы, в которых нашли отражения образы военных. В какой-то степени предлагаемая статья – продолжение заявленной Н.Н. Ауровой темы и попытка рассмотреть образы военных, отраженные русской классической литературой, как определенный социальный тип.

Некоторое время назад автор этих строк привлек произведения русской классической литературы для рассмотрения образов чиновников³. В результате удалось проследить всю чиновничью иерархию, что показало системность информации литературных произведений как исторических источников. Теперь же ценность информации произведений классической русской литературы (а иногда и изобразительных источников) планируется проследить на примере образов военных (в большинстве случаев это будут офицеры).

¹ Высказывание прославленного героя эпохи наполеоновских войн Я.П. Кульнева приведено Д. Давыдовым в записке «Тильзит в 1807 г.».

² Аурова. 2010.

³ Богданов. 2011.

Соответственно для достижения указанной цели следовало несколько расширить исследовательские задачи. Во-первых, рассмотреть разные категории военного сословия. Во-вторых, на основе полученных результатов постараться определить характерные черты литературных произведений как исторических источников и на их основе выявить черты, присущие русским военным как социокультурному типу. Однако задачи эти достаточно объемны и поэтому в данной статье ограничимся лишь эволюцией образов военных и сопоставлением образов военных, служивших в разных чинах и в разных родах войск.

Образы военных будут рассмотрены не только по рангам или родам войск, но и по хронологическому принципу. Иногда литературные произведения имеют конкретные временные привязки (например, многие романы И.С. Тургенева). Если действие литературного произведения происходит в современное описание время, то в скобках рядом с названием произведения указываются даты его написания. Этот приём, вместе с приведением дат, фигурирующих в самих произведениях, позволяет увидеть некую динамику, а за ней – социальные процессы XVIII – начала XX в. Сопоставление данных литературных произведений с имеющимися в историографии наработками проведено по наиболее авторитетным исследованиям, посвященным истории российской армии⁴ и социальной истории России⁵, либо анализирующим литературные произведения в контексте эпохи, в которой они были созданы⁶. В методологическом плане существенную помощь оказали наблюдения Е.Н. Цимбаевой⁷.

Известно, что «по самой природе своей, выполняемым функциям в обществе и государстве армия традиционно относилась к числу социальных групп и государственных институтов, положение и престиж которых наиболее высоки»⁸. «Кавказский ассессор»⁹ Ковалев, герой гоголевской повести «Нос» (1833–1835) называл себя майором, а не коллежским ассессором. Помещица Уланбекова в пьесе Островского «Воспитанница» (писалась в 1855–1858 гг.), мечтающая, чтобы сын ее стал военным, сокрушается, что, окончив университет, он получит мелкий гражданский чин: «Когда он окончит курс, ему дадут такой же чин, какой дают приказным из поповичей! На что это похоже? В военной службе, особенно в кавале-

⁴ Аурова. 2010; Волков. 1993; Зайончковский. 1973; Целорунго. 2002.

⁵ Миронов. 1999.

⁶ Федосюк. 2001.

⁷ Цимбаева. 2005.

⁸ Волков. 1993. С. 6.

⁹ Т.е. чиновник, который благодаря службе на Кавказе быстро получил чин, дававший право на дворянство.

рии, все чины благородны; даже юнкер – уж сейчас видно, что из дворян. А что такое губернский секретарь или титулярный советник? Всякий может быть титулярным советником, и купец, и семинарист, и мещанин, пожалуй». [*Островский А.Н.* Воспитанница. II, 3].

Военные в России, в отличие от чиновников, всегда пользовались уважением, что было следствием минимум пяти причин. Во-первых, военная служба – более быстрая возможность повышения социального статуса. Для крепостных – путь выхода на волю. Так, герой Н.С. Лескова «Тупейный художник» (1883) Аркадий в самом начале XIX в. писал своей возлюбленной: «проливал свою кровь не однажды, и вышел мне за то офицерский чин и благородное звание». Многие герои Л.Н. Толстого¹⁰ идут в армию, едут на Кавказ или в Севастополь в надежде на быстрое продвижение. Трогательно звучит признание ротного командира Болхова, героя «Рубки леса» (1853–55) в том, что он трусоват, но не может уехать с Кавказа без орденов «Анны и Владимира, Анны на шею и майора» [*Толстой Л.Н.* Рубка леса. X]. Один из героев «Севастополя в мае» в 1855 г. думает: «“Каково будет удивление и радость Наташи..., – когда она вдруг прочтет в "Инвалиде" описание, как я первый влез на пушку и получил Георгия. Капитана же я должен получить по старому представлению. Потом очень легко я в этом же году могу получить майора по линии, потому что много перебито, да и еще, верно, много перебьют нашего брата в эту кампанию. А потом опять будет дело, и мне, как известному человеку, поручат полк... подполковник... Анну на шею... полковник...”» – и он был уже генералом» [*Толстой Л.Н.* Севастополь в мае. II]. Во-вторых, на особом отношении к военным (по выражению А.С. Пушкина, «Покрытых славою чудесного похода / И вечной памятью двенадцатого года») сказался ряд блистательных побед, одержанных русской армией в период второй половины XVIII –начала XIX вв. В-третьих, на него повлиял общий настрой николаевского царствования (с его культом военных), на который приходится «золотой век» русской литературы. Примечатель-

¹⁰ В настоящей статье ссылок на Л.Н. Толстого содержится больше, чем на других авторов. Это связано, в первую очередь, с тем положением, которое занимал Толстой в литературе, в частности, в отражении военной темы. Недаром, Н.А. Некрасов после рассказа «Рубка леса» писал: «В этом очерке множество удивительно метких замечок, и весь он нов, интересен и делен. Не пренебрегайте подобными очерками; о солдате ведь наша литература доньше ничего не сказала, кроме пошлости. Вы только начинаете, и в какой бы форме ни высказали Вы все, что знаете об этом предмете, – все это будет в высшей степени интересно и полезно» [*Толстой.* 1978. С. 73-74]. Кроме того, чаще других в статье цитируется повесть А.В. Канкрин «Мальтийские рыцари». Это произведение – выдающийся литературный памятник и чрезвычайно яркий источник начала XX в., который, к сожалению, пока в должной степени не оценен.

но, что созданные в это время образы стали объектом подражания для следующих поколений. Л.Н. Толстой в повести «Набег» так характеризует одного из персонажей: «Это был один из наших молодых офицеров, удальцов-джигитов, образовавшихся по Марлинскому и Лермонтову. Эти люди смотрят на Кавказ не иначе, как сквозь призму героев нашего времени, Мулла-Нуров и т.д.¹¹, и во всех своих действиях руководствуются не собственными наклонностями, а примером этих образцов» [Толстой Л.Н. Набег. III]. Да и сами создатели этих образов становились объектами подражания: ведь чеховский Солёный, персонаж «Трёх сестер» (1901), считает, что у него характер Лермонтова и что он даже похож на Лермонтова, «как говорят» [Чехов А.П. Три сестры. II]¹²! В-четвертых, в отличие от чиновничества, военные никогда не были той составляющей государственной машины, с которой население страны сталкивалось ежедневно и как-либо зависило от неё. Да и численно военных было значительно меньше, чем чиновников.

Процент чиновников и военных в русском социуме конца XVII – начала XX вв. ¹³							
	1680	1725	1764	1801	1850	1897	1913
военные	1,6	1,3	0,95	0,98	1,96	0,89	0,83
	1690-е	1755	1796	1857	1880	1897	1913
чиновники	3,88	5,7	5,7	20	14	12,4	16,3

В-пятых, романтизации военных способствовала их постоянная кочевая жизнь. Переезжая на новые места или, наоборот, возвращаясь к родным пенатам, они всегда были носителями знания о другом мире¹⁴, который в значительной степени был неизвестен маломобильному населению России. Для многих военная служба – возможность посмотреть мир, получить впечатления, которые всю оставшуюся жизнь будут выделять их из обывательской среды. Нетрудно заметить, что отставной моряк

¹¹ Мулла-Нур – герой одноименной повести А.А. Бестужева-Марлинского (1797–1837).

¹² Проблема влияния художественных произведений на исторический процесс пока ещё только поставлена в литературе. В этом плане весьма интересна книга М.В. Нечкиной, в которой собраны её работы разных лет: *Нечкина*. 1982.

¹³ *Миронов*. 1999. Т. 2. С. 200, 208.

¹⁴ Достаточно вспомнить как герой «Рубки леса» (1853–1855) Л.Н. Толстого Чикин рассказывал дома: «спрашивают, какой, говорит, там малый, черкес, говорит, или турка у вас на Капказе, говорит, бьет? Я говорю: у нас черкес, милый человек, не один, а разные есть. Есть такие тавлинцы, что в каменных горах живут и камни замест хлеба едят. Те большие, говорю, ровно как колода добрая, по одному глазу во лбу, и шапки на них красные, вот так и горят, ровно как на тебе, милый человек!... И такой, право, народ чудной... верют всему, ей-богу, верют» [Толстой Л.Н. Рубка леса. IV].

лейтенант Жевакин в «Женитьбе» (1833) Н.В. Гоголя явно рассчитывает расположить к себе Агафью Тихоновну и отвадить соперников рассказами о своём военном прошлом. С военными связывались заграничные походы, боевые действия на Кавказе и т.д., что придавало им романтический флёр. По этой причине приход в город военных (например, на постой) всегда воспринимался с энтузиазмом: «Кричали женщины: ура! / И в воздух чепчики бросали». [*Грибоедов А.С. Горе от ума. II, 5*]

Образы чиновников в русской литературе достаточно статичны, единственное различие – служебная субординация, те чины, которые они занимают. Ведомственная принадлежность имеет при этом минимальное значение. К тому же во все эпохи образы чиновников в литературе в равной степени негативны. Иное дело военные. Служебная субординация, как ни странно, здесь не всегда важна. Как известно, за выдающийся подвиг офицер мог быстро быть произведен в следующие чины (вспомним мечты офицера из «Севастополя в мае») или переведен в гвардию «с сохранением чина», что означало явное повышение и т.д. С другой стороны, за какую-либо провинность офицер мог быть и вовсе разжалован в рядовые (разжалование чиновника до канцеляриста – случай небывалый). Кроме того, именно в среде военных были распространены дуэли (в 1894 г. они были даже официально узаконены), и нижестоящий по службе мог (хотя бы теоретически) вызвать вышестоящего. Так герой «Войны и мира» Николай Ростов, будучи юнкером, готов был вызвать на дуэль командира полка и только вмешательство других офицеров остановило его. Причём сослуживец молодого Ростова пожилой «штаб-ротмистр Кирстен был два раза разжалован в солдаты за дела чести и два раза выслуживался». [*Толстой Л.Н. Война и мир. Т. I, Ч. II, 5*]. В то же время, независимо от чина, все военные составляли одно большое братство. Дружба может объединять генерал-аншефа Троекурова и поручика Дубровского. Кстати, когда сын последнего, корнет гвардии, стал «благородным разбойником», он выдерживал принцип: «не обижать товарищей» (не грабил молодых офицеров).

Здесь же оговоримся: несмотря на то, что для литературных персонажей, служащих или когда-то служивших военными, чин по табели о рангах вторичен, это вовсе не означает, что ему не придают значения. Наоборот, русские писатели старательно указывают чины своих персонажей, даже упраздненные. Например, отец Петра Гринёва – отставной секунд-майор, «степной король Лир» помещик Харлов – отставной штык-юнкер, герой одноименной повести И.С. Тургенева – бригадир, наконец, К.П. Троекуров, как и старый князь Болконский, – отставной генерал-

аншеф. В рассказе Чехова «Упразднили!» (1885) высмеиваются помещики – отставной прапорщик Вывертов и майор Ижица, оскорбленные тем, что их чины внезапно отменили. Впрочем, упраздненные чины характеризуют, как правило, провинциальных помещиков. О точности отражения военных чинов в литературных произведениях свидетельствует приведенный Ю.А. Федосюком пример: «Хотя драгуны относились к кавалерии, чины у них, в отличие от гусаров и уланов, до 1882 года были такими же, как в пехоте. Отсюда “драгунский капитан” (а не ротмистр) в “Княжне Мэри” Лермонтова»¹⁵. Т.е. на примере званий в пехоте и кавалерии, мы видим, что литература очень точно отразила мельчайшие нюансы исторически сложившейся системы званий и чинопроизводства.

Образы военных русской литературы многонациональны. Герой пушкинского «Выстрела» (1830) – то ли итальянец, то ли француз Сильвио, сослуживец «Героя нашего времени» (1838–1840) Печорина – серб Вулич... В повести А.И. Куприна «Поединок» (1905) фигурируют и русские (главный герой подпоручик Ромашов, подпоручик Лбов и др.), и поляк (поручик Зегржд), и черкес Бек-Агамалов, и француз (капитан Дювернуа), и украинцы (ефрейтор Шаповаленко, капитан Слива), татары (рядовые Мухамеджинов, Шарафутдинов). «...Формулу присяги читал православным – священник, католикам – ксендз, евреям – раввин, протестантам, за неимением пастора – штабс-капитан Диц, а магометанам – поручик Бек-Агамалов, – с Гайнаном (он был «идолопоклонником» – В.Б.) была совсем особая история. Полковой адъютант поднес поочередно ему и двум его землякам и единоверцам по куску хлеба с солью на острие шашки, и те, не касаясь хлеба руками, взяли его ртом и тут же съели. Символический смысл этого обряда, был, кажется, таков: вот я съел хлеб и соль на службе у нового хозяина, – пусть же меня покарает железо, если я буду неверен» [Куприн А.И. Поединок, 3]. Неслучайно, прототипами одного из самых ярких образов русских офицеров – героя «Белой гвардии» (1925) М.А. Булгакова полковника Най-Турса, считаются три человека разных национальностей. Так его имя созвучно полковнику лейб-гвардии Гусарского полка Н.Н. Най-Пуму (сиамцу по происхождению), который после 1906 г. жил в Киеве. Среди других прототипов Най-Турса называют и генерала-от-кавалерии графа Ф.А. Келлера (этнического немца), который руководил обороной Киева в 1918 г. от войск Петлюры и, чтобы избежать кровопролития, распустил гарнизон, а также полковника (затем генерал-майора) Н.В. Шинкаренко-Брусилова. При этом сам М.А. Булгаков даёт Най-Турсу распро-

¹⁵ Федосюк. 2004. С. 123.

странённое польское имя Феликс¹⁶. В плане многонациональности военные как профессиональная группа очень близки дворянству как словию: война – дело благородных.

Роман Булгакова описывает российскую армию уже после Октябрьской революции (что выходит за хронологические рамки статьи), но именно в нём даётся очень ёмкая и чёткая картина того, что же представлял собой офицерский корпус. «Были среди них (офицеров – *В.Б.*) исконные старые жители этого Города, вернувшиеся с войны в насиженные гнезда с той мыслью, как и Алексей Турбин, – отдыхать и отдыхать и устраивать заново не военную, а обыкновенную человеческую жизнь, и были сотни и сотни чужих, которым нельзя было уже оставаться ни в Петербурге, ни в Москве. Одни из них – кирасиры, кавалергарды, конногвардейцы и гвардейские гусары, выплывали легко в мутной пене потревоженного Города <...> Другие, армейские штабс-капитаны конченных и развалившихся полков, боевые армейские гусары, как полковник Най-Турс, сотни прапорщиков и подпоручиков, бывших студентов, как Степанов – Карась, сбитых с винтов жизни войной и революцией, и поручики, тоже бывшие студенты, но конченные для университета навсегда, как Виктор Викторович Мышлаевский» [*Булгаков М.А.* Белая гвардия. 4]

Различия между военными, по сравнению с чиновниками, проходят совершенно по другим линиям. Л.Н. Толстой на примере солдат дал очень подробную классификацию военных:

- 1) Покорных.
- 2) Начальствующих и
- 3) Отчаянных.

Покорные подразделяются на а) покорных хладнокровных, б) покорных хлопотливых.

Начальствующие подразделяются на а) начальствующих суровых и б) начальствующих политических.

Отчаянные подразделяются на а) отчаянных забавников и б) отчаянных развратных.

Чаще других встречающийся тип, – тип более всего милый, симпатичный и большей частью соединенный с лучшими христианскими добродетелями: кротостью, набожностью, терпением и преданностью воле божьей, – есть тип покорного вообще. Отличительная черта покорного хладнокровного есть ничем не сокрушимое спокойствие и презрение ко всем превратностям судьбы, можем постигнуть его. Отличительная черта покорного пьющего есть тихая поэтическая склонность и чувствительность; отличительная черта хлопотливого – ограниченность умственных способностей, соединенная с бесцельным трудолюбием и усердием.

¹⁶ *Соколов. 2002; Сахаров. 2003.*

Тип же начальствующих вообще встречается преимущественно в высшей солдатской сфере: ефрейторов, унтер-офицеров, фельдфебелей и т.д., и, по первому подразделению начальствующих суровых, есть тип весьма благородный, энергический, преимущественно военный, не исключаящий высоких поэтических порывов (к этому-то типу принадлежал ефрейтор Антонов, с которым я намерен познакомить читателя). Второе подразделение составляют начальствующие политичные, с некоторого времени начинающие сильно распространяться. Начальствующий политичный бывает всегда красноречив, грамотен, ходит в розовой рубашке, не ест из общего котла, курит иногда Мусатов табак, считает себя несравненно выше простого солдата и редко сам бывает столь хорошим солдатом, как начальствующие первого разряда.

Тип отчаянного, точно так же, как и тип начальствующего, хорош в первом подразделении – отчаянных забавников, отличительными чертами которых суть непоколебимая веселость, огромные способности ко всему, богатство природы и удаль, – и так же ужасно дурен во втором подразделении – отчаянных развратных, которые, однако, нужно сказать к чести русского войска, встречаются весьма редко, и если встречаются, то бывают удаляемы от товарищества самим обществом солдатским. Неверие и какое-то удалство в пороке – главные черты характера этого разряда.

[Голстой Л.Н. Рубка леса. III].

Трудно представить такую характеристику для чиновников, а ведь Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин и др., сами бывшие чиновниками, могли бы её составить. Стало быть, среди «крапивного семени» различия происходят по большей части из рангов и должностей, среди военных – из характера и личных качеств.

Сильно отличаются военные по родам войск (есть явно привилегированные полки, например, кавалергарды), по месту службы и, главное, по кампаниям, в которых принимали участие. Поручики пехотного или гусарского полков уже воспринимаются по-разному, а военные времен войны 1812 года отличаются от тех, кто участвовал в Крымскую войну, в боевых действиях на Кавказе и т.д. Кстати, если образы чиновников одинаковы во все эпохи, то с военными дело обстоит по-другому.

Как пишет С.Т. Аксаков, характеризуя старого помещика Багрова, в середине XVIII в. «дворяне долго служили в солдатском и унтер-офицерском званиях, если не проходили их в колыбели и не падали всем на голову из сержантов гвардии капитанами в армейские полки» [Аксаков С.Т. Семейная хроника. I]. С.В. Волков¹⁷ также пишет: «Каждый дворянин, достигавший 16-летнего возраста, записывался в войска рядовым и если не выслуживал офицерский чин, то должен был так и

¹⁷ Волков. 1993. С. 268.

служить всю жизнь рядовым или унтер-офицером». Процесс окончательного превращения дворянства в привилегированное сословие, а офицерского корпуса на 90% в дворянский, приходится уже на время после указа 1762 года. Таким образом, военные XVIII века отличаются от военных последующих периодов. То же можно сказать и о разнице в поколениях военных начала, середины и конца XIX в. В стихотворении 1817 года Д.В. Давыдов пишет про современных ему молодых людей:

А теперь что вижу? – Страх!
И гусары в модном свете,
В вицмундирах, в башмаках,
Вальсируют на паркете!
Говорят: умней они...
Но что слышим от любого?
Жомини да Жомини!
А об водке – ни полслова!

Следующее за героями Отечественной войны поколение уже достаточно сильно изменилось: они предпочитают своей форме вицмундир, вместо привычных гусарских занятий рассуждают на отвлеченные темы... Как бы продолжая мысль Д. Давыдова, Л.Н. Толстой в 1852 г. пишет: «Француз, который при Ватерлоо сказал: «La garde meurt, mais ne se rend pas» [Гвардия умирает, но не сдается. – *В.Б.*], – и другие, в особенности французские герои, которые говорили достопамятные изречения, были храбры и действительно говорили достопамятные изречения; но между их храбростью и храбростью капитана есть та разница, что если бы великое слово, в каком бы то ни было случае, даже шевелилось в душе моего героя, я уверен, он не сказал бы его: во-первых, потому, что, сказав великое слово, он боялся бы этим самым испортить великое дело, а во-вторых, потому, что, когда человек чувствует в себе силы сделать великое дело, какое бы то ни было слово не нужно. Это, по моему мнению, особенная и высокая черта русской храбрости; и как же после этого не болеть русскому сердцу, когда между нашими молодыми воинами слышишь французские пошлые фразы, имеющие претензию на подражание устарелому французскому рыцарству?..» [Толстой Л.Н. Набег. X].

В повести «Два гусара» (1856), в которой сопоставляются два поколения военных, Л.Н. Толстой даже приводит слова Д. Давыдова в качестве эпиграфа. Про младшего Турбина он явно с иронией пишет: «Даже и тени в нем не было тех буйных, страстных и, говоря правду, развратных наклонностей прошлого века» [Толстой Л.Н. Два гусара. IX].

Военные начала и середины XIX в. значительно отличаются от военных конца XIX – начала XX в. также и потому, что сам принцип ком-

плектования и функционирования армии за это время изменился. Связано это с реформой 1874 года, когда рекрутская повинность была заменена всеобщей воинской повинностью. До реформы военные представляли собой довольно закрытую касту: офицеры были замкнуты, так как они были дворянами, солдаты на 25 лет отрывались от привычных занятий и родного края. Вспоминаются строки М.Ю. Лермонтова 1840 года:

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали,
И чтоб меня не ждали.

Совершенно ясно: человек, от лица которого ведётся рассказ, не в курсе того, что происходит дома, да и сами домашние не очень жаждут получения вестей от него (хотя в случае получения грустного известия «опечалятся»). Персонаж комедии А.Н. Островского (1876) Сила Ерофеич Грознов тоже много лет не был в родных краях – его прежняя возлюбленная «уж лет двадцать за упокой его души подает» [*Островский А.Н.* Правда хорошо, а счастье лучше IV.6]. Военные начала XIX века особо не задумываются о мирной жизни. Они служат в силу долга (именно это импонировало Николаю I в образе лермонтовского Максима Максимыча¹⁸). Они мало связаны с родным домом, и родственники нередко имеют лишь самые приблизительные представления об их истинном положении: мать капитана Хлопова так и говорила: «Мой голубчик, ничего про свои походы не пишет – меня напугать боится» [*Толстой Л.Н.* Набег. IX]. При этом она уверена, что за 18 лет он ни разу не был ранен, хотя тот на самом деле был четырежды тяжело ранен. Сам Хлопов не особенно интересуется делами родных.

С 1874 г. армия перестала быть узкой профессиональной корпорацией, а служба в ней превратилась в повинность всей мужской части населения. В начале XIX в. невозможно было бы себе представить солдата, подобного персонажу повести А.И. Куприна «Поединок» (1905) Хлебникову, у которого «живот надорванный... кила». В рекруты такие

¹⁸ Николай I писал: «Характер капитана намечен удачно. Когда я начал это сочинение, я надеялся и радовался, думая, что он и будет, вероятно, героем нашего времени, потому что в этом классе есть гораздо более настоящие люди, чем те, которых обыкновенно так называют. В кавказском корпусе, конечно, много таких людей...» (Цит. по: *Эйхенбаум.* 1969. С. 424).

не попадали, а в условиях всеобщей повинности – могли. Военные конца XIX в. теснее связаны с остальным населением. Ограниченный срок службы позволял солдатам через некоторое время вернуться к привычным занятиям, а офицерами становились теперь представители не только малочисленного и замкнутого дворянства, но и других сословий¹⁹. Поручик Ромашов постоянно вспоминает о доме, и рядовой Хлебников изливает ему душу про «мать с пьяницей-отцом, с полуидиотом-сыном и с четырьмя малолетними девчонками; землю у них насильно и несправедливо отобрал мир; все ютятся где-то в выморочной избе из милости того же мира; старшие работают у чужих людей, младшие ходят побираться». [Куприн А.И. Поединок. XVII].

По этой причине историки констатируют к концу XIX в. «усиление связи армии с обществом и её ослабление с государством», при том, что «значение армии как силы, поддерживающей верховную власть, в XVIII–XIX в. повышалась, а в пореформенное время снижалась»²⁰. Это проявилось, в частности, в том, что в 1900 г. военный министр А.Н. Куропаткин писал: «Командирование войск для содействия гражданским весьма вредно влияет на войска, если им приходится употреблять в дело оружие или если для избежания кровопролития войска вынуждаются к отступлению под напором толпы». А вот свидетельство 1902 года: «Жандармский генерал говорит, что на войска нельзя уже очень безусловно надеяться. В Колпине во время беспорядков выпущено было в толпу 76 пуль (почти в упор) и попало не более 3-х пуль»²¹. Генерал-от-инфантерии Н.А. Епанчин писал: «Когда правительства перешли к общевойсковой повинности с короткими сроками службы... то войны вела не одна армия, а весь народ... Когда армии были кастовые, они не сливались так близко с народом, как это стало впоследствии. Настроение воина кастовой армии не подвергалось такому воздействию всего народа, как это стало впоследствии»²². Литература не позволяет прямо судить об этом процессе. Но косвенно – вполне. Например, невозможно себе представить, чтобы купринский Хлебников шёл подавлять восстание в своем родном селе.

¹⁹ Из офицеров – участников Бородинского сражения 1812 г. (не считая членов императорской свиты) дворянами были 86,5% [Целорунго. 2002. С. 78]; к 1895 г. потомственных дворян среди офицеров было лишь 50,8% (при этом в пехоте и того меньше – 39,6%): Волков. 1993. С. 270.

²⁰ Миронов. 1999: Т. 2. С. 210, 211.

²¹ Зайончковский 1973: 34. А.В. Канкрин пишет, что в 1905 г. офицеры лейб-гвардии Преображенского (!) полка отказались усмирять восстания (и после этого вынуждены были уйти в отставку) и пользовались за это всеобщим уважением (в отличие от подавлявших восстание «семеновцев»): Канкрин. 1993. С. 68.

²² Епанчин. 1996. С. 367-368.

Изменения, по идее, должны были постепенно сделать сообщество военных более однородным. Однако на рубеже веков ситуация оказалась иной. В произведениях А.И. Куприна постоянно фигурирует тема рукоприкладства в отношении рядового состава. При этом в повестях Л.Н. Толстого, относящихся к более раннему периоду (1850–1860-м гг.) ничего о рукоприкладстве не говорится. Видимо, эта черта появилась в армии уже после Великих реформ. Тогда она может быть объяснена следующим образом. В результате реформ служба в армии перестала быть принадлежностью к узкой профессиональной корпорации. Для кого-то она стала возможностью получить власть над людьми, в том плане, чтобы заставлять их что-либо делать и оценивать результат этих действий. Отсюда нелепая муштра – возможность для офицеров чувствовать власть над рядовыми, а старших офицеров над младшими²³. П.А. Зайончковский косвенно подтверждает наше наблюдение, утверждая, что к концу XIX в. в сознании офицеров укрепляется чувство «своего превосходства как людей особого рода, которым разрешается то, что другим запрещено»²⁴.

Как уже говорилось, в литературе наблюдается разница не только между поколениями военных, но и родами войск, в которых они служат. И это отличие заметно даже в физическом облике служащих. Собакевич, описывая своего крепостного Степана Пробку, отличавшегося большим ростом, говорит: «Служи он в гвардии (куда брали только рослых – В.Б.) – ему бы Бог знает что дали» [Гоголь Н.В. Мертвые души]. Л.Н. Толстой, описывая гусарского полковника Денисова (прототипом которого считается знаменитый поэт Денис Давыдов), говорит, что «только на коне и в мазурке не видно было *маленького роста* Денисова»; в рассказе И.С. Тургенева «Лебедянь» из «Записок охотника» (1846—1874 гг.) фигурирует «необыкновенно длинный кирасир»... Объяснение простое: в пехоту и тяжёлую кавалерию (драгуны, кирасиры) тоже брали людей рослых, а в лёгкую кавалерию – невысоких.

П.А. Зайончковский пишет, что «отношения между офицерами отдельных частей были весьма своеобразны. Они характеризовались отчужденностью и даже рознью между представителями отдельных родов оружия: гвардейцы смотрели свысока на армию, кавалеристы относились презрительно к пехоте, между конной и пешей артиллерией существовала также неприязнь. Даже внутри гвардии в офицерском корпусе не было

²³ Впрочем, некоторые современники ставили А.И. Куприна в вину то, что он «оклеветал русское офицерство»: Канкрин. 1993. С. 149.

²⁴ Связывается это с законом о дуэлях (т.е. с указом 1894 года, разрешавшим офицерские поединки). Это чувство превосходства можно перенести на отношение не только к гражданским чинам, но и к солдату.

монолитности: гвардейские кавалеристы отчужденно относились к гвардейской пехоте»²⁵. Факты отчужденности разных родов войск мы можем встретить и в литературе. Грушницкий в «Герое нашего времени» (1838–1839) говорит, что «эта гордая статья (т.е. гвардия – В.Б.) смотрит на нас, армейских, как на диких». В 1871 г. молодой воспитанник военного училища Юрий Гарденин мечтает: «послужу в лейб-гусарах... ну, хоть до эскадрона, потом перейду в штаб, потом дадут полк, – конечно, кавалерийский, терпеть не могу эту пехтуру!» [*Эртель А.И.* Гарденины. I, 1]. В этом пренебрежении видится историческая преемственность кавалерии от рыцарства, т.е. дворянского сословия.

Примечательно: несмотря на то, что морские кампании в истории России были более успешны, чем сухопутные, в русской литературе действует очень мало морских офицеров. За исключением «Морских рассказов» К.М. Станюковича, можно назвать, пожалуй, только упомянутого лейтенанта Жевакина из «Женитьбы» Н.В. Гоголя, лейтенанта Ергунова из «Истории лейтенанта Ергунова» (1866–1868) И.С. Тургенева, капитана 2-го ранга Федора Яковлевича Ревунова-Караулова из «Свадьбы» (1887) А.П. Чехова. При этом все они достаточно забавны. Только двоюродный дед Бориса Еранцева (героя «Мальтийских рыцарей» А.В. Канкрин), контр-адмирал, вызывает заслуженный пиетет. Можно вспомнить, как томился во время кругосветного путешествия знаменитый Ф.И. Толстой-Американец²⁶. За столетия существования российского императорского флота ни один адмирал не происходил из родовитой знати²⁷. Служба во флоте была менее привлекательной, чем служба в сухопутных войсках²⁸.

Гвардия всегда была привилегированной частью: по подсчётам Д.Г. Целорунго в 1812 г. каждый второй офицер из служивших в гвар-

²⁵ *Зайончковский*. 1973. С. 247. При этом вся монография проникнута уважением к русскому офицерству, а сам офицерский корпус *в целом* оценивается очень высоко и с моральной, и с профессиональной точек зрения. Выше на той же странице, на которой находим приведенную цитату, дана положительная психологическая характеристика: Там же. С. 247, 341 и др.

²⁶ *Толстой*. 1990. С. 8-16.

²⁷ Анализ проведен по справочнику: *Березовский, Доценко, Тюри*. 1993. Частично ситуация исправлялась тем, что некоторые представители императорской семьи числились по военному ведомству и имели соответствующие флотские чины.

²⁸ В целом, морякам в русской литературе повезло гораздо больше, чем оплоту самодержавия – полицейским и жандармам. Кроме упоминания «голубых мундиров» в знаменитом стихотворении М.Ю. Лермонтова (1841) они фактически не встречаются на страницах художественных произведений. А.В. Канкрин описывает, как однажды мать не пустила своего воспитанника в дом, так как он был одет в форму жандармского офицера, и спросила: «Чем я заслужила такое оскорбление?» (*Канкрин*. 1993. С. 23). То есть жандармы вообще пользовались всеобщим презрением.

дии был представителем титулованного дворянства²⁹. В начале булгаковского перечисления идут привилегированные части. Кирасиры (с 1813 г.), конногвардейцы и кавалергарды относились к гвардии. Шефами Конного полка часто были императоры: в «Воине и мире» «красивый, молодой император Александр, в конногвардейском мундире» [Толстой Л.Н. Война и мир. Т. I. Ч.3, 8] прибыл на смотр войск у Ольмюца. Князь Анатолий Курагин – также «красавец-кавалергард». Нарумов из «Пиковой дамы» (1834) А.С. Пушкина является конногвардейцем, что может свидетельствовать о знатности его рода. К ним же примыкают и Лейб-Гвардии Гусарский и Уланский полки. Недаром, в 1855 г. два аристократа, Калугин и князь Гальцин, разговаривая об общих знакомых, говорят о некоем Масловском, уточняя: «лейб-улан или конногвардеец?» [Толстой Л.Н. Севастополь в мае. V].

Л.Н. Толстой, вообще не очень восторженно отзывавшийся о военной службе, особенно саркастичен в отношении гвардии: «Но когда к этому развращению вообще военной службы, с своей честью мундира, знамени, своим разрешением насилия и убийства, присоединяется еще и развращение богатства и близости общения с царской фамилией, как это происходит в среде избранных гвардейских полков, в которых служат только богатые и знатные офицеры, то это развращение доходит у людей, подпавших ему, до состояния полного сумасшествия эгоизма». [Толстой Л.Н. Воскресение³⁰. 13].

Нетрудно заметить, что гвардейские офицеры и общались на некоем особенном языке, столь пленительном для значительной части армейских офицеров. Здесь можно вспомнить почти комедийный персонаж повести А.И. Куприна «Поединок» (1905 г.) Бобетинского, говорившего «Эчень приятно» (вместо «очень приятно»): «Он всегда говорил таким ломаным, вычурным тоном, подражая, как он сам думал, гвардейской золотой молодежи» [Куприн А.И. Поединок. 8]. Разница между гвардейскими и армейскими офицерами видна даже в том, что, если «офицеру гвардии нужно содержать себя приличным образом» [Пушкин А.С. Дубровский. II.9], то армейские офицеры, как правило, просто не могут себе этого позволить. Армейская жизнь, описанная А.И. Куприным, значительно отличается от гвардейской службы в романах Л.Н. Толстого. Армия и есть «школа жизни». Недаром в начале

²⁹ Целорунго. 2002. С. 77.

³⁰ Хотя действие романа относится к 1880-м гг., а служба Нехлюдова проходила «после объявления войны Турции» (т.е. в 1877 г.), роман был закончен в 1899 г., т.е. ко времени, когда констатированное П.А. Зайончковским у офицеров осознание «превосходства как людей особого рода» сформировалось окончательно.

1770-х гг., отец Петруши Гринёва, героя «Капитанской дочки» А.С. Пушкина, оправляет сына в полк, а не в гвардию: «...пускай *послужит* (курсив мой. – В.Б.) он в армии...», да понюхает пороху, да будет солдат...» [Пушкин А.С. Капитанская дочка. Гл. 1].

В статье мы ограничимся лишь наиболее ярким и известным родом войск – лёгкой кавалерией (гусарами и уланами). Связано это и с тем, что именно наблюдение за их художественными образами привело к достаточно неожиданным выводам.

В историографии подмечено, что гусары «славились... как отчаянные смельчаки, лихие рубаки, верные боевые товарищи и – не в последнюю очередь – как несравненные покорители женских сердец»³¹. Ведь толстовский Турбин³² – гусар; герой лермонтовской «Тамбовской казначейши», штаб-ротмистр Гарин – улан... Не последнюю роль в популярности гусар и улан играла нарядная форма, недаром Козьма Прутков писал: «Если хочешь быть красивым, поступи в гусары». В шутовском стихотворении «К Галичу» лицеист Пушкин писал о том, как он якобы готовится в гусары:

Надены узкие рейтузы,
Завью в колечки гордый ус,
Заблещет пара эполетов,
И я – питомец важных Муз –
В числе воюющих орнетов!

Уланы тоже славились своей красивой формой. А.И. Герцен вспоминал о том, как примерил форму улана: «Боже мой, как я казался себе хорош в синем куце мундире с красными выпушками! А этишкеты, а помпон и лялунка...» [Герцен А.И. Былое и думы. II].

Однако мало кто, даже из современников, задумывался об истоках кавалерийской удалости, молодцеватости и проч. Дело в том, что от служащих в лёгкой кавалерии требовалась быстрота, ловкость и смелость. Широко известно высказывание наполеоновского маршала Ланна (которое также приписывается бригадному генералу Лассалю): «Гусар, который не убит в 30 лет, – не гусар, а дрянь!»³³ Т.е. именно «век гусаров» (а вовсе не привилегированных кавалергардов) «был не долгов». Почти всех их ждала участь скорой смерти. Так загадочно грустным предстаёт Е.В. Давыдов (1775–1823) на знаменитом портрете О.А. Кипренского 1809 года. Моло-

³¹ Федосюк. 2004. С. 122.

³² Интересно: герой «Войны и мира» Федор Долохов – пехотный офицер, однако его прототипы – декабрист М.С. Лунин, партизан И.С. Дорохов – были гусарами!

³³ Парафраз этого высказывания можно найти: Канкрин. 1993. С. 12-13.

дой человек (почти ровесник наполеоновского Ланна) в полном обмундировании полковника лейб-гвардии Гусарского полка, кого-то ждёт (видимо, «даму сердца»); он показан на фоне романтического ночного пейзажа. При этом весь антураж портрета говорит о скоротечности жизни военного. Чуть ли не кладбище видно на заднем фоне. Романтическая черта – жизнь в постоянной опасности, – видимо, и привлекала к гусарам представительниц женского пола (особенно провинциальных барышень)³⁴. При этом неважно, ждёт ли гусара смерть в бою или на дуэли. Вспомним пушкинского графа Б. из повести «Выстрел» (1829), который стоял и спокойно ел черешню под дулом пистолета Сильвио. Может быть, от этого пренебрежения смертью и проистекает жажда жить полной жизнью (в том числе и развлечениями). Создавая портрет Е.В. Давыдова, Кипренский пишет образ русского гусара вообще: внешняя красота скрывает внутреннюю тревогу – постоянную готовность к смерти.

Жизнь полной жизнью оборачивается ещё одной стороной гусарского этоса – шумные вечеринки, карты и т.д. Гоголевский Плюшкин, чья дочь «убежала с штабс-ротмистром, бог весть какого кавалерийского полка», не любил «офицеров по странному предубеждению, будто бы все военные картежники и мотишки» (Гоголь Н.В. Мертвые души. I. 6). По словам Л.Н. Толстого, «военные же люди считают, что это так должно быть, хвалятся, гордятся такою жизнью, особенно в военное время, как это было с Нехлюдовым, поступившим в военную службу после объявления войны Турции. “Мы готовы жертвовать жизнью на войне, и потому такая беззаботная, веселая жизнь не только простительна, но и необходима для нас. Мы и ведем ее”». [*Толстой Л.Н.* Воскресение. I. 13].

Возможно, именно от ощущения быстротечности жизни и желания взять от неё всё, проистекает и достаточно легкое отношение к браку. Скоротечность карьеры и, в конечном счёте, жизни, приводила к тому, что некогда было заниматься выбором супруги: это, видимо, в начале 1810-х гг. произошло с зятем Плюшкина, и с Бурминым, героем пушкинской «Метели», который в начале 1812 г. «мало полагал важности в преступной... проказе» (свадьбе с Марьей Гавриловной), и с корнетом Улановым, в середине XIX в. обвенчавшимся с дочерью Арины Петровны Головлевой... Впрочем, уланы считались менее «горячими», чем гусары: Лиза в «Двух гусарах» Л.Н. Толстого желает жениха улана, а не гусара, т.к. последние «все отчаянные, говорят» [*Толстой Л.Н.* Два гусара. IX].

³⁴ Создается впечатление, что О.А. Кипренский предвидел те перипетии, которые впоследствии выпали на долю лейб-гусар. В войне 1812–1814 гг. полк участвовал практически в 35 сражениях! См.: Столетняя служба...; Лейб-гусары...

Если мы посмотрим на литературных героев, которые служат в легкой кавалерии, то всё это провинциальные помещики. Видимо, столичная знать не стремилась отдавать своих отпрысков в столь опасный род войск. Исключением являются граф Б., герой пушкинского «Выстрела», да и Николай Ростов, служивший гусарским ротмистром, и графы (отец и сын) Турбины из повести Л.Н. Толстого «Два гусара». Впрочем, граф Б. служил там явно недолго³⁵, а та быстрота, с которой он оказался любимцем общества, доказывают, что он был нетипичной фигурой в гусарском полку (как и старший Турбин); а Ростовы – не петербургская знать, а обедневший старомосковский род, стоявший гораздо ближе к провинциальному дворянству, чем его столичные родственники (ведь и провинциальную барышню Татьяну Ларину зимой 1822 г. везут не в Петербург, а в Москву)³⁶. Что касается младшего Турбина, то он служил в кавалергардах и лишь с открытием кампании 1848 года «решил, что *выгоднее* (курсив мой. – В.Б.) для производства перейти в действующую армию, и перешел в гусарский полк ротмистром» [Толстой Л.Н. Два гусара. IX]. Так или иначе, если в армейском гусарском полку оказывался представитель аристократии, богатый и знатный человек, это не могло не вызывать раздражения у некоторых офицеров. Сильвио, пользовавшийся огромным авторитетом в полку, так описывает своё отношение молодому графу Б.: «Отроду не встречал счастливица столь блистательного! Вообразите себе молодость, ум, красоту, веселость самую бешеную, храбрость самую беспечную, громкое имя, деньги, которым не знал он счета и которые никогда у него не переводились, и представьте себе, какое действие должен был он произвести между нами. Первенство мое поколебалось. Обольщенный моею славою, он стал было искать моего дружества; но я принял его холодно, и он безо всякого сожаления от меня удалился».

Наше наблюдение, что аристократия не стремилась служить в лёгкой кавалерии (как наиболее опасном роде войск), было проверено на материале биографий 600 лиц, привлеченных к делу о восстании декабристов: словарь, подготовленный М.В. Нечкиной (Декабристы... 1988), прекрасно отражает портрет русского служилого дворянства начала XIX в. На его основе выявлено 52 чел., служивших в гусарах или уланах, из них семь представителей титулованного дворянства. Процент довольно большой (согласно данным Д.Г. Целорунго, в начале XIX в. в кавалерии доля титулованного дворянства была выше, чем в пехоте, а в

³⁵ Граф Б. был определен в гусарский полк, и вскоре Сильвио вышел в отставку. Спустя пять или шесть лет граф Б. женился и, видимо, тоже покончил со службой.

³⁶ При этом высказывания старого графа Ростова всё-таки дают понять, что поступок сына для него удивителен [Толстой Л.Н. Война и мир. Т. I, Ч. I, 9].

артиллерии его вообще не было³⁷). Но четверо из семи были определены туда после восстания. Для князей А.Н. Вяземского и А.И. Гагарина назначение выглядит как понижение (из лейб-гвардейских Кавалергардского и Конной артиллерии полков). Внук воспитательницы Николая I, граф (затем светлейший князь) А.К. Ливен 1-й и светлейший князь П.П. Лопухин уже в конце своей карьеры были назначены командирами соответственно Оренбургского уланского полка и 1-й гусарской дивизии, но до этого служили в других родах войск (быть непосредственно бойцом и быть командиром далеко не одно и то же). Двое служили в гусарах с момента определения на службу. Но это был привилегированный лейб-гвардейский Гусарский полк, который, кстати, после подавления Польского восстания 1831 г. не участвовал в боевых действиях вплоть до I Мировой войны³⁸ (будь портрет Е.В. Давыдова написан не в 1809 г., а в 1859 г., то он бы не имел столь глубокого смысла)³⁹. И наконец, только князь Ф.Ф. Гагарин служил в гусарах и до и после восстания: будучи определен в лейб-гвардии Семеновский полк, он затем был переведен прапорщиком в лейб-гвардии Кавалергардский полк, а с октября 1812 г. – штаб-ротмистром в Павлоградский гусарский полк. Впрочем, этот популярный в военной среде человек, игрок и дуэлянт, у которого так и не сложилась личная жизнь, наверное, мог только радоваться такому назначению. Таким образом, данные справочника «Декабристы» и наблюдения за образами офицеров в художественных произведениях не противоречат друг другу, но для окончательных выводов, безусловно, следует привлечь более обширный материал.

На этом можно остановиться. Конечно, далеко не все сюжеты, характеризующие военных как социальную группу и важный механизм государственной системы, удалось рассмотреть (например, материальное положение солдат и офицеров). Впрочем, автор надеется, что это (вместе с материальным положением чиновничества) удастся сделать в другой работе. Художественные произведения обладают важным для историка свойством: способны направлять его поиск.

³⁷ В кавалерии 2,3%, в пехоте 0,5%, в артиллерии 1,4%: Целорунго 2002: 78. Д.Г. Целорунго отделяет русскую титулованную знать от остзейских баронов. Мы же объединили эти две социальные группы. Кроме того, в книге даётся процентное соотношение титулованного дворянства ко всему офицерскому корпусу. Однако, поскольку доля дворянства в офицерском составе была подавляющей (86,5%), то статистика наша и Д.Г. Целорунго сопоставима.

³⁸ Столетняя служба...; Лейб-гусары...

³⁹ Канкрин (Ф.Ф. Кудрявцев) писал: «...в годы службы деда полк растерял свои боевые традиции – на войну посылать его перестали, и офицеры были совсем другие.. Офицеры –лейб-гусары были, по существу, придворными» (Канкрин. 1993. С. 25).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аурова Н.Н.* От кадета до генерала. Повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII – первой половине XIX века. М.: Новый хронограф, 2010.
- Березовский Н.Ю., Доценко В.Д., Тюрин Б.П.* Российский императорский флот. 1696–1917. М.: Русский мир, 1993.
- Богданов В.П.* Богданов В. П. «Крапивенное семя»: чиновничество и российская саморефлексия // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 101-126.
- Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., Воениздат, 1993.
- Декабристы.* Биографический справочник. М.: Наука, 1988.
- Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996.
- Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий, 1881–1903. М., 1973.
- Канкрин А.В.* Мальтийские рыцари. М.: Московский рабочий, 1993.
- Лейб-гусары: История, биографии, мемуары / Автор-составитель А.Ю. Бондаренко. М.: Воениздат, 2003.
- Морозов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дм. Буланин, 1999. Т. 1, 2.
- Нечкина М.В.* Функция художественного образа в историческом процессе. М. «Наука», 1982.
- Соколов Б.В.* Береги честь смолоду («Белая гвардия») // М.А. Булгаков в жизни и творчестве. Учебное пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей. Москва: Русское слово, 2002. 112 с.
- Сахаров В.И.* Последний бой Най-Турса (Рассказывает Николка Турбин) // Источник (приложение к журналу Родина). 2003. В. 1. С. 31-35.
- Столетняя служба Л.-гв. Гусарского Его Величества полка. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная Польза», 1875.
- Толстой Л. Н.* Переписка с русскими писателями в 2 т. Т.1. 2-е изд., доп. М., 1978
- Толстой С.Л.* Федор Толстой-Американец. М.: Современник, 1990.
- Федосюк Ю.А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М.: Флинта, Наука, 2001.
- Целорунго Д.Г.* Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения (историко-социологическое исследование). М.: Калита, 2002
- Цимбаева Е.Н.* Исторический анализ литературного текста. М.: Едиториал УРСС, КомКнига, 2005.
- Эйхенбаум Б.М.* Николай I о Лермонтове // Эйхенбаум Б.М. О прозе: Сб. статей / Сост. и подгот. текста И. Ямпольского; Вступ. ст. Г. Бялого. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1969.

Богданов Владимир Павлович, старший научный сотрудник Лаборатории истории культуры Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; vpbogdanov@gmail.com